

*В диссертационный совет 24.2.320.07,
созданный на базе ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»
350000, г. Краснодар, ул. Рашилевская, д. 43*

О Т З Ы В

**официального оппонента доктора юридических наук, профессора
Зайцева Олега Александровича о диссертации Глимеиды Виталия
Витальевича по теме «Применение технических средств и
цифровых технологий при производстве следственных действий»,
представленную на соискание ученой степени кандидата
юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые
науки (юридические науки)**

Внедрение цифровых технологий, являющееся одной из приоритетных задач государственного развития, и возникающие в процессе их использования новые общественные отношения существенным образом изменяют информационное пространство. Перед юридической наукой стоит задача доктринального освоения имеющихся закономерностей функционирования уголовно-процессуального права в условиях цифровой реальности и определение путей их решения. Разработка новых научно обоснованных инструментов и моделей правового регулирования применения технических средств и цифровых технологий в ходе производства по уголовному делу позволит государству более эффективно реагировать на вызовы цифровой реальности, управлять происходящими трансформациями, регулировать новые, а также видоизменяющиеся общественные отношения. Важной задачей, стоящей перед уголовно-правовой наукой, является выявление особенностей расследования преступлений в цифровой сфере; определение специфики производства следственных действий с применением технических средств и цифровых технологий.

Диссертационное исследование Виталия Витальевича Глимеиды посвящено проблемам, оптимальное решение которых имеет особое значение

для отечественного уголовного судопроизводства. Следственные действия – это основной источник доказательственной информации. При их производстве в ходе предварительного расследования не должны нарушаться права и свободы участников уголовного судопроизводства. Результаты следственных действий должны быть проверяемыми и устойчивыми к использованию в дальнейших стадиях процесса. Можно и далее продолжать этот ряд требований. Однако в современных условиях одним из насущных вопросов, требующих своего незамедлительного разрешения, выступает процессуальное регулирование процедуры следственных действий с использованием современных технических достижений. Представителями российской науки уголовно-процессуального права и правоприменительной практики высказываются противоречивые, а порой и совершенно разноплановые позиции по определению их сущности, роли и значения.

Как обоснованно отмечает диссертант на страницах своей работы, проблемы практического применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий напрямую связаны с их нерешенностью в юридической доктрине. Научная неопределенность лежит в основе многих противоречивых и непоследовательных законодательных изменений в порядке производства следственных действий с использованием достижений науки и техники.

В связи с этим тема исследования, проведенного В.В. Глимейдой, отличается актуальностью, своевременностью и безусловной теоретической и практической значимостью.

Диссертация выделяется среди подобного рода работ своей обстоятельностью, анализом правоприменительной практики, адекватным отражением происходящих в ней процессов и закономерностей, научной зрелостью выводов и предложений. Диссертанту в целом удалось реализовать поставленную цель исследования – формирование нового научного подхода к определению порядка применения технических средств и цифровых технологий в производстве следственных действий,

практическому использованию их результатов, разработки на этой основе предложений по оптимизации соответствующей части уголовно-процессуального законодательства (стр. 9 диссертации). Автором впервые представлено комплексное видение научно-технических достижений в уголовном судопроизводстве в качестве совокупности технических средств и технологий, где каждый элемент занимает собственное место и выполняет свое предназначение, отличается индивидуальностью и потребностью в целевом уголовно-процессуальном регулировании.

Совокупность поставленных задач научного исследования позволяет сделать вывод об их достаточности для достижения указанной цели, они включают основные направления, раскрывающие наиболее проблемные вопросы темы диссертационного исследования. Цель и задачи диссертационного исследования в их совокупности с объектом и предметом исследования соответствуют паспорту научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Избранная автором методология основывается на апробированных общих и частных методах, при сбалансированности использования теоретических и эмпирических методов исследования. Примененные автором методы (в числе которых материалистическая диалектика, дедукция, индукция, синтез, различные виды анализа, включая системно-структурный, социологический, лексическое, юридическое и техническое толкование понятий и др.) позволили получить новые знания об объекте исследования, а также с новых сторон оценить имеющийся теоретический задел по избранной теме.

Достаточными представляются теоретическая и нормативная правовая основа исследования. Список источников составляет 283 позиции, в котором имеются необходимые и актуальные нормативные правовые акты, работы ученых-исследователей, источники на иностранных языках.

Впечатляет эмпирическая база проведенного исследования. В частности, автором изучено 314 уголовных дел по вопросам применения

технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий; проведено анкетирование 272 респондентов (20 судей, 113 прокуроров, 67 следователей, 42 дознавателя и 30 адвокатов) из 25 субъектов Российской Федерации (стр. 13-14 диссертации).

Научная новизна исследования состоит в том, автором впервые в системной взаимосвязи:

а) раскрыта сущность и значение технических средств, технологий, цифровых технологий, дистанционных технологий, дистанционных следственных действий, видео-конференц-связи;

б) обоснована идея о концептуальном единстве (неотделимости) технических средств и технологий;

в) сформирована позиция о необходимости законодательного упрощения процедуры применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий; вносятся соответствующие ей авторские предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства, определяющего порядок применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий. Конкретное выражение научная новизна исследования представлена в положениях, вынесенных на защиту (стр. 15–18 диссертации).

Итогом проведенного исследования стала совокупность новых научных результатов и положений, выдвигаемых автором для публичной защиты, что свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Предложенные диссертантом новые решения аргументированы и критически оценены в сравнении с другими известными решениями.

Теоретическая значимость результатов исследования обусловлена возможностью последующего развития идей, высказанных автором, обсуждение и конструктивная критика которых позволяет получить новые, полезные для уголовно-процессуальной науки и практики результаты. Они могут использоваться в правотворческой деятельности; в учебном процессе

юридических вузов для студентов, аспирантов, при подготовке учебных и учебно-методических пособий, при повышении квалификации судей, прокуроров, следователей, дознавателей, адвокатов в профильных образовательных организациях и в правоприменительной деятельности.

Достоверность результатов исследования обеспечивается нормативной базой, анализом научных трудов, реализацией при его проведении научно обоснованной методики, репрезентативностью собранного и проанализированного эмпирического материала.

Результаты исследования прошли необходимую апробацию в рамках обсуждений на заседании кафедры уголовного процесса юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета; докладов автора на международных и всероссийских научно-практических конференциях, проводившихся в 2021–2023 гг. в Краснодаре, Курске, Москве.

Автором опубликованы 9 научных работ общим объемом 5,51 п. л., в том числе 5 научных статей – в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований.

Результаты исследования были внедрены в учебный процесс Кубанского государственного университета; используются на курсах повышения квалификации Адвокатской палаты Краснодарского края, а также в системе служебной подготовки сотрудников следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю.

План исследования логически структурирован. Диссертация состоит из введения, 3 глав, разделенных на 8 параграфов, заключения, списка использованных источников и 3 приложений.

Проявленная диссертантом самостоятельность оценок и суждений о научно-теоретическом и нормативном материале, критическое его осмысление позволили сформулировать и обосновать ряд интересных и

полезных выводов, отличающихся научной новизной и способствующих развитию науки уголовного процесса.

В первой главе диссертации излагаются результаты разработки законодательных и теоретических основ применения современных технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий. Вполне обоснованно главное внимание в этой части работы уделяется исследованию понятия технических средств (стр. 21–45 диссертации). Автором справедливо отмечается, что, несмотря на активное использование научных достижений, существует проблема определения и понимания технических средств, оказывающая влияние на их использование в следственных действиях. Диссертант формулирует собственное определение технических средств и их классификацию, основанную на научности и инновационности применяемых технологий (стр. 38, 43–44 диссертации); обосновывает необходимость дополнения действующих норм УПК РФ соответствующим пунктом, закрепляющим понятие технических средств (стр. 44 диссертации).

Автором выделяются особенности технологий – нематериальность, научность, способность к интеграции в уголовно-процессуальную практику, и проводится их связь с техническими средствами. Формулируется понятие технологий в уголовном судопроизводстве, предлагаемое к закреплению в законе (стр. 68-70 диссертации). Подробно рассматривается понятие цифровой технологии как целостного программного продукта, результат применения которого имеет процессуальное значение в уголовном судопроизводстве. Для системной организации и правового регулирования цифровые технологии классифицируются по функциональному назначению на технологии: сбора информации, обработки и анализа данных, воспроизведения доказательств, обеспечения безопасности и сохранности данных, а также коммуникации (стр. 67 диссертации).

С критических позиций исследуется содержание ч. 6 ст. 164 УПК РФ, которая, несмотря на свое системообразующее значение для регулирования

технических средств в уголовном судопроизводстве, создает сложности в их практической реализации. Взамен имеющегося регулирования автором предлагаются два уровня законодательных правил для применения технических средств и цифровых технологий: универсальные (общие), предлагаемые к закреплению в ст. 164.2 УПК РФ и специальные (частные) (стр. 83–85 диссертации).

Во второй главе содержится анализ особенностей применения технических средств и цифровых технологий в досудебном производстве, обеспечивающих их дистанционное производство, удаленное присутствие участников, в том числе рассматривается процедура наиболее распространенной технологии видео-конференц-связи. На основе проведенного анализа, В.В. Глимейда вносит предложение об уточнении определения видео-конференц-связи и включение его в п. 5.1 ст. 5 УПК РФ, как цифровой технологии аудиовизуального удаленного взаимодействия участников уголовного судопроизводства в реальном времени (стр. 91–92 диссертации). Кроме того, представляется логичным и важным для адаптации уголовно-процессуального законодательства к современным техническим возможностям предложение о введении новой ч. 9 в ст. 164 УПК РФ для закрепления возможности применения технологии удаленного доступа при производстве некоторых следственных действий (стр. 109 диссертации).

Автор позиционирует видео-конференц-связь как эффективное средство, позволяющее получать процессуально значимые результаты, обеспечивая возможность непосредственного дистанционного взаимодействия между следователем и участниками процесса. Отмечается и то, что использование видео-конференц-связи становится проблематичным из-за сложностей в процессуальном регулировании производства следственных действий. Для преодоления этой проблемы предлагаются изменения в ст. 189.1 УПК РФ (стр. 123–124 диссертации).

Уделено в диссертации внимание новейшей и, безусловно, перспективной для уголовного судопроизводства, технологии искусственного интеллекта. Автором предприняты шаги по восполнению пробела в науке уголовного процесса путем разработки признаков искусственного интеллекта (стр. 128 диссертации), его определения (стр. 134, 138 диссертации), уточняются характеристики этой технологии, для обеспечения возможности ее процессуального и не процессуального использования при производстве следственных действий (стр. 139–140 диссертации), градации на «сильный» и «слабый» (стр. 127 диссертации), обосновывается невозможность использования указанной технологии для оценки доказательств (стр. 141 диссертации).

В третьей главе работы изложены результаты исследования прикладных аспектов применения технических средств и цифровых технологий, основным из которых является формирование на основании указанных технических достижений процессуальных доказательств.

В этой части исследования анализируется сложившаяся правоприменительная практика формирования процессуальных доказательств с использованием технических средств и технологий и придание им формы вещественных доказательств. Автором критически оценивается такого рода практика (стр. 158–160 диссертации). Делается вывод, что существует потребность в теоретическом определении и законодательном закреплении понятия «результаты применения технических средств и цифровых технологий» (стр. 149 диссертации). Особое место в работе уделено и теории электронных доказательств (с. 153–158 и др. диссертации).

В результате сформулирован вывод о приоритетности для доказательств, сформированных с помощью технических средств и цифровых технологий формы иного документа (стр. 161, 163–166 и др. диссертации). Для улучшения процесса доказывания в рамках следственных действий предлагается внести изменения в статьи 74 и 84 УПК РФ (стр. 175–176 диссертации).

Рассмотрен вопрос о необходимости обновленного подхода к составлению протоколов следственных действий с учетом фактора наличия и активного использования технических средств и цифровых технологий. Отмечается отставание уголовно-процессуального законодательства в определении порядка фиксации хода и результатов следственных действий при использовании указанных технических средств и технологий. Обосновывается необходимость внедрения сокращенной формы протокола следственного действия и электронное протоколирование посредством предлагаемых изменений в уголовно-процессуальное законодательство (стр. 181–182 диссертации).

В заключении содержится система основных выводов автора из осуществленного исследования в целом (стр. 188–191 диссертации). В приложениях представлены обобщенные результаты социологического исследования, проведенного соискателем методом анкетирования практических работников, направленного на выявление у них представления об актуальном состоянии и перспективах использования технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий (стр. 224–242 диссертации).

Таким образом, многие содержащиеся в диссертации положения, выводы и рекомендации, а равно используемая для их обоснования аргументация представляют научный интерес и могут быть расценены как личный вклад автора в науку уголовного процесса.

Отмеченные выше достоинства свидетельствуют о самостоятельном характере и хорошем теоретическом уровне представленного В.В. Глемейдой диссертационного исследования. Выводы, сформулированные в диссертации, в целом логичны, убедительны и углубляют существующие представления о применении технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий.

Отмечая квалифицированное разрешение в диссертации указанных и многих других актуальных проблем, считаем необходимым для

всесторонности и полноты оценки рецензируемого исследования обратить внимание на такие его положения, которые, на наш взгляд, удались автору в меньшей степени.

1. В положении № 1, выносимом на защиту, соискатель приводит вывод о том, что «технические средства и технологии в уголовном судопроизводстве представляют собой целостную и неделимую систему взаимосвязанных компонентов, одновременно и существенно влияющих на ход и результаты производства следственных действий, на правовой статус его участников..». А в положении № 3, выносимом на защиту, автор предлагает «...установить двухуровневую систему правил, где на первом уровне представлены основополагающие универсальные (общие) правила, с их локализацией в ст. 164.2 УПК РФ, относящиеся к любым видам технических средств и технологий, включая существующие и потенциально возможные в будущем технические достижения». В связи с этим возникает вопрос: в чем смысл отдельного научного представления о технических средствах и технологиях, если их законодательное, в частности, уголовно-процессуальное, регулирование осуществляется совместно? В ходе публичной защиты диссертационного исследования диссертанту предлагается привести дополнительные аргументы в пользу необходимости выделения технических средств и технологии и их самостоятельного правового значения.

2. Автор диссертации в положении № 6, выносимом на защиту, формулирует вывод о недопустимости использования искусственного интеллекта в качестве способа оценки доказательств, что не согласуется с результатами ряда проведенных отечественными учеными современных исследований. Кроме того, не учитывается зарубежный опыт применения искусственного интеллекта, подтверждающий, что многие страны стремятся приспособить его к задачам уголовного судопроизводства. В частности в ряде стран (Австрия, Германия, Нидерланды, Франция и др.) законодатель допускает использование искусственного интеллекта для сравнения данных о

подозреваемом лице с базами данных, состоящих из информации, полученной в результате иных уголовных расследований. В зарубежной юридической литературе данные действия объединяют в одну группу по основанию тождества предмета поиска, которым во всех случаях выступает доказательственная информация, относящаяся к цифровому профилю подозреваемого лица, а также выявление взаимосвязанных с ним лиц, способных оказаться потенциальными соучастниками или свидетелями. В связи с этим, полагаю, что авторская аргументация вывода о невозможности использования указанной технологии для оценки доказательств требует дополнительного уточнения.

3. В положении № 7, выносимом на защиту, диссертант формирует вывод, согласно которому «решение проблемы самостоятельного доказательственного значения сведений, полученных с помощью технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий, заключается в приоритетном придании им значения иного документа по правилам, изложенным в новой редакции ст. 84 УПК РФ». В связи с данным выводом возникает вопрос: в чем тогда видится самостоятельность доказательственного значения подобных результатов в случае признания их иными документами?

4. Заслужой автора следует признать обоснование необходимости упрощения порядка фиксации хода и результатов следственных действий. Вместе с тем, высказанное в положении № 9, выносимом на защиту, предложение о необходимости «...формулирования законодательных предписаний, направленных на обоснование допустимости электронного протоколирования следственных действий, производимых с применением технических средств и цифровых технологий» требует уточнения. Ведь электронное протоколирование выступает результатом применения технических средств и цифровых технологий. С учетом того, что протокол является самостоятельным источником процессуальных доказательств, электронный формат протокола «переводит» его в статус электронного

доказательства. В этой связи видится непоследовательность в позиции автора в том, что электронные доказательства, по его мнению, должны признаваться только иными документами. Очевидно, диссертанту следует уточнить свою позицию в части раскрытия форм электронных доказательств.

5. На стр. 175 диссертации сделан вывод о том, что решение проблемы доказательственного значения сведений, полученных с помощью технических средств и цифровых технологий заключается в их теоретическом определении, которое может быть следующим: сведения о фактах, подлежащих установлению по уголовному делу, полученные в результате применения технических средств и цифровых технологий и в соответствии с установленным уголовно-процессуальным законом порядком проведения следственных действий, являются процессуальными доказательствами. Полагаю, что формулирование теоретического определения не сможет решить рассматриваемую проблему даже в частичном объеме. Полагаю необходимым уточнить и дополнить свою позицию автору работы в условиях публичной защиты.

Высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку проведенного диссертационного исследования.

В автореферате диссертации изложены основные идеи и выводы работы, показан вклад автора в разработку избранной проблемы, степень новизны и значимость результатов исследования, а также обоснована структура диссертационной работы.

Выводы:

1. Диссертация Глемейды Виталия Витальевича на тему: «Применение технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук, соответствует научной специальности 5.1.4. – Уголовно-правовые науки, является самостоятельной завершенной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для теории и практики уголовного процесса.

2. Диссертация на тему «Применение технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий» отвечает требованиям ч. 2 п. 9, п.п. 10-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 25.01.2024).

3. Автор диссертации на тему «Применение технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий» – Виталий Витальевич Глимейда – заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент:

главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», доктор юридических наук (12.00.09 – уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности), профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

«25» марта 2024 г.



Зайцев Олег Александрович

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Россия, 117218, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34,
тел. 8 (499) 724-19-69; e-mail: crim@izak.ru

Подпись сотрудника Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Зайцева О.А. удостоверяю

Заведующий отделом
управления персоналом



С отзывом ознакомлен
Виталий Глимейда ВВ

29.03.2024 г.